

**К вопросу о религиозном консерватизме забайкальских старообрядцев
(семейских)**

Кульдо Максим Евгеньевич

Студент (магистр)

Забайкальский государственный университет, Исторический факультет, Кафедра
истории, Чита, Россия
E-mail: mkuldo@mail.ru

Историю Забайкалья трудно представить без семейских. Именно так местные стали именовать прибывавших целыми семьями из польских пределов во второй половине XVIII столетия старообрядцев. В источниках отмечается также, что первоначально они были известны как сеймские [6].

«Польские посельщики» оказали существенное влияние на развитие края. Путешественники отмечали примерное хозяйство семейских, обширность их селений, трудолюбие и достаток жителей. Такими их знали и в центре (достаточно вспомнить «Дедушку» Н. Некрасова). В 1830 году семейских посетили декабристы, богатые селения староверов произвели на «государственных преступников» особое впечатление. «Избы и дома у них, - вспоминал позднее Андрей Розен, - не только красивы углами, но и пирогами... всё у них соответствовало одно другому: от дома до плуга, от шапки до сапог, от коня до овцы, - всё показывало довольство, порядок, трудолюбие» [Розен, 1984, с. 252].

Новые колонисты явились прекрасными земледельцами. В малопригодном для хлебопашества крае они, по меткому выражению губернатора Н. Трескина, сумели «и камень сделать плодородным». Н. Муравьев-Амурский, говоря о «самой почти полезной части народонаселения в Забайкальском крае», указывал на «хорошую нравственность, трезвое поведение, постоянное трудолюбие и примерное хозяйство» местных староверов [3].

Кержацкий дух наследников Аввакума проявился не только в борьбе с суровыми природно-климатическими условиями региона. Осмотрительные консерваторы, они сумели сквозь века пронести традиции и веру предков. «Живым остатком древней русской культуры» называл их академик Д. Лихачёв. Столь неповторимую самобытность, фундаментом которой, несомненно, выступало религиозное мироощущение, староверам приходилось отстаивать в условиях то затихавших, то разгоравшихся с новой силой гонений со стороны светских и церковных властей.

Искоренение старообрядчества и насаждение единоверия продолжительное время оставалось одной из основополагающих задач самодержавия в области конфессиональной политики. Господствующая церковь при этом пользовалась всемерной поддержкой со стороны светских властей. Старообрядцам же, ограниченным в гражданских правах, запрещалось иметь культовые сооружения, их духовные вожди подвергались гонениям. Куйтунскому иерею Борису, например, ввиду «строгих преследований пристава и миссионера» паству приходилось навещать ночами [9].

В 1879 году за Байкалом была организована особая «противураскольническая миссия», деятельность которой особой результативностью не отличалась: только единицы старообрядцев отказывались от «веры отцов». Архимандрит Иринарх с горечью признавал, что «тяжело и безотрадн... носить звание начальника безуспешной миссии и изнывать духом от безвыходности и бессилия» [5, л. 65 об.].

Миссионеры находили объяснение феномену столь исключительного «упорства в вере» в якобы присущих семейским «косности», «тьме духовной», «отупелости и равнодушию».

Однако архивные источники позволяют иначе взглянуть на причины и характер религиозного консерватизма старообрядцев.

Семейских как особую этноконфессиональную общность русского народа отличало мощное самосознание. Именуя себя «старообрядцами» либо «крестьянами старой веры», они негодовали, когда миссионеры называли их раскольниками (таковыми староверы считали никониан). В Совете Съездов старообрядцев Сибири неоднократно отмечалось, что старообрядцы как «исторически-бытовая группа народа» имеют «свой особый уклад жизни, совершенно отличный от других народностей... своеобразный семейный быт, иное отношение... к государственной власти и к государству, к политической жизни и вообще к миру» [8, л. 1].

Ревнителю старых обрядов отличало непрерывное стремление к обособленности, в контактах с иноконфессиональной средой они проявляли максимальную осмотрительность. Нередко их селения располагались в труднодоступной таёжной местности, о существовании отдельных из них гражданские власти и не догадывались. Желание «отгородиться» от мира проявлялось в наличии собственной земской администрации. Например, в 1872 году в Бичуре, где проживали старообрядцы и православные, состоялись выборы двух старшин, «один от другого совершенно независящих» [1]. Отметим также, что в 1903 году в Забайкальской области старообрядцы имели 43 отдельных кладбища и лишь 1 делили с православными [7]. Однако не стоит преувеличивать такую замкнутость, контакты с местным русским и аборигенным населением имелись, что приводило к избирательному заимствованию.

Особое отношение к миру, государству и представителям иных конфессий обуславливалось патриархальностью жизненного уклада, пропитанного религиозным миропониманием. Обращенцам не оставалось места среди вчерашних братьев по вере (случаи убийств известны). Патриархальность предполагала домостроевское уважение к родителям, а также строгое следование заветам предков; в ответ на увещевания миссионеров следовали, как правило, отрицательные ответы: «Наши деды, какими пришли сюда, такими желаем и мы быть... они за отеческую веру страдали, отечества лишились, были сосланы сюда, такими и нам надо быть» [4, л. 31 об.] и т.п.

В качестве консолидирующего начала старообрядческих общин выступали их руководители - уставщики и начётчики. Людей этих, как правило, грамотных и сведущих, православные священники именовали «болтунами». Однако не следует вслед за миссионерами рассматривать их в качестве непререкаемых авторитетов для паствы, ярким подтверждением чему служит следующий пример. В 1841 году уставщик села Куналей Иванов, приняв единоверие, вызвался склонить к тому же и односельчан. Собравшимся в часовне он объявил о своём намерении, на что присутствующие, «... не внимая убеждению Иванова, выгнали его из часовни и, плюя в лицо, предали посмеянию» [2].

Испытывая всевозможные притеснения со стороны государства и церкви, старообрядцы сумели пронести твёрдость в вере отцов и дедов сквозь века, чему способствовали многие факторы. Однако и гонения в немалой (возможно, и в большей) степени способствовали сохранению заветов предков.

Источники и литература

- 1) ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12762.
- 2) ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15556.
- 3) ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17655.

- 4) ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4.
- 5) ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 24.
- 6) ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1034.
- 7) ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 244.
- 8) ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 5. Д. 4.
- 9) РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 203.
- 10) Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984.